

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

J. Siikala. *Cult and Conflict in Tropical Polynesia. A Study of Traditional Religion, Christianity and Nativistic Movements.* Helsinki, 1982. 308 p.

В 1965 г. в журнале «Советская этнография» была опубликована рецензия на книгу финского ученого А. А. Коскинена «Миссионерское влияние как политический фактор на островах Океании»¹. Проф. Коскинен (ныне покойный) приобрел международную известность своими исследованиями истории и культуры народов Океании, прежде всего социальной организации и религии полинезийцев. Эти исследования продолжил его ученик Ю. Сиикала, автор рецензируемой книги о социально-религиозных движениях, происходивших на некоторых островах Тропической Полинезии на ранних этапах их колонизации европейцами.

Впрочем, содержание книги Ю. Сиикалы значительно шире ее непосредственной темы. Автор касается ряда методологически важных вопросов общей этнографии (социальной антропологии) и религиоведения, осуществляет реконструкции социально-религиозных систем, существовавших на этих островах до их открытия европейцами.

В первых разделах книги дается критический обзор многочисленных концепций о происхождении и сути социально-религиозных движений, возникавших под воздействием колониализма, особенно его религиозного компонента — миссионерства, в традиционных обществах Африки, Америки, Австралии и Океании. Автор справедливо отвергает психологические и религиозно-феноменологические объяснения причин возникновения этих движений. «Психологическое объяснение, — в частности, пишет он, — играет определенную роль в истолковании *не движений, а психических явлений*, проявляющихся в этих движениях. Такие явления могут в свою очередь быть *предпосылками* форм этих движений, но причины самих движений следует искать в другом месте» (с. 42). Проанализировав дискуссии по данному вопросу, которые вели на протяжении нескольких десятилетий западноевропейские и американские этнографы, Ю. Сиикала приходит к заключению, что первопричиной рассматриваемых движений был колониализм (с. 33, 52). Но, как подчеркивает автор, такой констатации еще недостаточно. Эти движения необходимо изучать в историческом контексте, т. е. в каждом случае глубоко исследовать как стадии и особенности процесса колонизации, так и традиционные социальные и религиозные институты соответствующих обществ и ход их трансформации. При построении же общей концепции по данному вопросу следует должным образом учитывать диалектику единичного, частного и всеобщего².

Вслед за американским этнографом Р. Линтоном автор предлагает именовать эти движения «нейтивистскими движениями». Однако он предупреждает, что не придает данному термину того смысла, который вкладывал в него Линтон, а лишь стремится отразить в нем специфику эпохи, когда европейцы называли жителей колонизируемых стран «туземцами» (natives). «Таким образом, — пишет он, — я употребляю термин, „нейтивистские движения“ лишь для обозначения той сферы действительности, которой касается мое исследование» (с. 33—34).

Ю. Сиикала называет свою работу этноисторическим исследованием. Он выступает против узкого, европоцентристского понимания этноистории, согласно которому ее основные задачи сводятся к изучению описаний бесписьменных обществ, оставленных цивилизованными наблюдателями и относящихся к периоду, когда эти общества еще не были разрушены или существенно трансформированы. Автор присоединяется к тем ученым, которые считают, что этноистория должна заниматься также реконструкцией истории и культуры традиционных (бесписьменных) обществ до начала их контактов с обществами, обладающими письменностью (применительно к островам Океании — до их открытия европейцами). В связи с этим Ю. Сиикала подчеркивает важность использования этноисториками таких источников, как мифы и предания, всевозможные ритуалы и пережитки, данные археологии, антропологии и лингвистики. Он проводит научную критику всех категорий источников, на которых основана его работа, а в методологическом плане заявляет о своем желании сочетать неозволюционистский подход в духе концепций Дж. Стьюарда со структурным анализом, особенно продуктивным, по его мнению, при этноисторических реконструкциях (с. 60—89). При этом автор стремится определить, в какой мере структурализм К. Леви-Стросса применим к такого рода исследованиям (с. 77—78).

Ю. Сиикала ограничивает географические рамки своей работы некоторыми островами тропической Полинезии, которые в рассматриваемый период находились в сфере влияния преимущественно английского колониализма³. В центре внимания автора — архипелаги Самоа и Общества, где в 1820-х годах начались социально-религиозные движения Сиовили и *мамаи*, и архипелаг Тонга, где подобных движений не наблюдалось. Несмотря на довольно существенные локальные различия, самоанцы, таитяне

¹ Тумаркин Д. Д. Рец. на кн.: Koskinen A. A. *Missionary Influence as a Political Factor in the Pacific Islands.* Helsinki, 1953. — Сов. этнография, 1956, № 1.

² Эта позиция Ю. Сиикалы близка к той, которую занимают советские этнографы. См., например: Бутинова М. С. Культ карго в Меланезии (к проблеме милленаристских движений). — Сов. этнография, 1973, № 1.

³ Ю. Сиикала сознательно оставляет за рамками своего исследования Гавайские острова, где во второй четверти XIX в. начали хозяйничать американские миссионеры, хотя там тоже вспыхивали «нейтивистские движения». См. Тумаркин Д. Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М.: Наука, 1971, с. 139—142.

(жители островов Общества) и тонганцы находились тогда на примерно одинаковой ступени социально-экономического развития, характеризовавшейся разложением общинно-родовых отношений и складыванием классов и государственности. В сферу исследования включены и небольшие острова Мангаиа, Реннел и Беллона, обитатели которых занимали более низкие ступени на шкале развития полинезийских обществ.

Автор подчеркивает земные корни полинезийской религии, локальные разновидности которой отражали особенности социальной организации на соответствующих островах и архипелагах (с. 108, 118, 127, 250—253). Структурный анализ мифов и преданий и сопоставление полученных результатов с информацией, содержащейся в других категориях источников, позволили Ю. Сиикале довольно убедительно реконструировать социально-религиозные системы, функционировавшие в доконтактный период, показать соотношение и взаимодействие отдельных элементов их структур. Основные выводы автора относительно специфики традиционных структур (а затем и особенностей структур, сложившихся на ранних этапах европейской колонизации) представлены в виде диаграмм. Эти этноисторические реконструкции принадлежат к числу несомненных удач автора.

Не ограничиваясь описанием исторической обстановки, в которой возникли «нейтивистские движения» на Самоа и островах Общества, и анализом самих этих движений, Ю. Сиикала, по-видимому, пытается ответить на вопрос, который задавали некоторые участники известной дискуссии по книге В. Лантернари «Религиозные движения за свободу и спасение угнетенных народов», проведенной в 1965 г. на страницах журнала «Current Anthropology»: почему на Тонга в отличие от других крупных полинезийских архипелагов не было таких движений? ⁴ По мнению Ю. Сиикала, хотя эти движения и были следствием контактов с представителями западной цивилизации, на первых порах они возникали и развивались в соответствии с «внутренней логикой» трансформации местных обществ. Более того, изучаемые движения, религиозная сторона которых представляла собой пеструю смесь традиционных обрядов и верований со своеобразно понятыми и переосмысленными ритуалами и догматами христианства, были лишь одной из возможных реакций на социальные конфликты, порожденные контактной ситуацией. В тех случаях, когда социальные конфликты, имеющие структурный характер, появлялись в иных бинарных оппозициях, «нейтивистских движений» не возникало. Так, на Тонга традиционное противопоставление священного правителя верховному вождю сначала превратилось в противопоставление традиционной религии христианству, насаждаемому протестантскими миссионерами; затем место традиционной религии занял католицизм, распространяемый конкурирующей миссионерской организацией, и возникла бинарная оппозиция католицизм — протестантизм; еще позднее в связи с борьбой за власть произошел раскол в лагере протестантов и была основана независимая от миссионеров Свободная церковь Тонга (с. 158—166, 265—267, 270). Что же касается изолированных островков Реннел и Беллона, то там христианство настолько быстро приспособилось к местным социальным структурам, что его распространение не вызвало серьезных конфликтов и дело ограничилось кратковременной вспышкой «ритуального безумия Ниупани» (с. 137—144, 147, 261—263). Сходным образом объясняет автор отсутствие «нейтивистских движений» на о. Мангаиа (с. 148—152, 263—265).

Продолжая традиции А. А. Коскинена, Ю. Сиикала отвергает европоцентризм «классической» западной социальной антропологии. При объяснении «нейтивистских движений» он стремится прежде всего исходить из местных социально-религиозных структур и порой даже несколько недооценивает значение внешних факторов, связанных с деятельностью колонизаторов. Еще более важный источник такой недооценки — его интерпретация ранних этапов колониализма в Полинезии.

Для рецензируемой книги, особенно для ее теоретических разделов, характерна антиколониальная направленность. Автор осуждает идеологию и практику колониализма, в частности злодеяния, совершенные колонизаторами в отношении американских индейцев (с. 22, 48). Но история колониализма в Полинезии имела, по его мнению, определенную специфику: на начальных этапах этого процесса (в отличие от его более поздних этапов) европейские поселенцы, не исключая и миссионеров, оказывались в зависимости от полинезийских вождей, не имели реальных возможностей эксплуатировать местные общества и даже сами нередко подвергались эксплуатации со стороны островитян; более того, настолько приспосабливались к местным условиям, что как бы втягивались в существующие социальные структуры и способствовали их трансформации изнутри, а не извне (с. 255—261). Исходя из этих соображений автор и выводит происхождение и особенности «нейтивистских движений» из «внутренней логики» развития, или «внутренней динамики» местных обществ. Так, социально-религиозное движение *мамаиа* он интерпретирует как «попытку вождей Танапару (южный полуостров Таити—Д. Т.) вернуться с помощью своих собственных, подконтрольных им сверхъестественных сил положение, которое они занимали до возникновения династии Помаре» (с. 248, 268).

На отдельных островах порой действительно складывались ситуации, отвечающие представлениям Ю. Сиикалы о начальных этапах европейской колонизации Полинезии, но в целом его концепцию едва ли можно признать достаточно убедительной. Это относится и к его интерпретации движения *мамаиа*. Примечательно, что в предложенную им схему не вменяются некоторые факты, содержащиеся в самой рецензируемой книге. Так, автор приводит данные о том, что к 1826 г., когда началось движение *мамаиа*, миссионеры не только не зависели от вождей, но даже превратились в фактических правителей островов Общества (с. 234). Сообщается в книге и о том, что на Таити и других островах Общества еще до возникновения движения *мамаиа* широко распро-

⁴ Current Anthropology, 1965, v. 6, № 4, p. 457, 463.

страшилось недовольство деятельностью миссионеров, а само движение имело антимиссионерскую направленность (с. 233—235, 239—240, 243—244). Оппозиционные вожди действительно использовали *мамаию* в своих интересах. Но разве к этому сводится сущность указанного движения?

Едва ли можно согласиться с мнением о том, что в рассматриваемый период в Полинезии моряки, скупщики сандала и другие торговцы не могли эксплуатировать островитян, а лишь занимались взаимовыгодной меновой торговлей (с. 255). Как показали исследования, европейские и американские моряки и торговцы с самого начала вели с жителями Гавайских островов неэквивалентную торговлю, которую при случае дополняли прямым насилием. Чужеземцы разжигали на Гавайях междоусобные войны, чтобы повыгоднее сбывать соперничающим вождям огнестрельное оружие и боеприпасы, сознательно спаивали островитян, чтобы иметь возможность продавать им по непомерно высоким ценам ром и другие спиртные напитки, насаждали среди вождей страсть к приобретению совершенно не нужных им западных «новинок». В результате гавайская знать на многие годы попала в долговые сети, расставленные иностранными торговцами. Что же касается массового вывоза гавайского сандала, то «сандаловый бизнес» не только привел к резкому усилению эксплуатации рядовых островитян местной правящей верхушкой, но и стал одной из важных причин прогрессирующей депопуляции архипелага⁵. Неприглядная сущность колониализма, которую Ю. Сникала осветил в теоретических разделах своей книги, в конце XVIII — первой половине XIX в. особенно наглядно проявлялась на Гавайских островах. Но то, что происходило на этом архипелаге, однюдь не было исключением в Полинезии.

Подводя итоги, отметим, что рецензируемая книга не лишена спорных положений; не всегда можно согласиться с теоретическим анализом, предлагаемым автором. Но некоторые недостатки этого труда, пожалуй, являются как бы продолжением его достоинств. Книга Ю. Сникалы, несомненно, привлечет внимание специалистов широкой постановкой теоретических проблем, интересными попытками исследования сложных вопросов социально-религиозной истории народов Полинезии.

Д. Д. Тумаркин

⁵ См. Тумаркин Д. Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М.: Наука, 1964, гл. 2, 3; *его же*. Гавайский народ и американские колонизаторы, гл. 1—3.

ДОРИАН АНДРЕЕВИЧ СЕРГЕЕВ

29 июня 1984 г. после тяжелой болезни скончался видный советский этнограф и археолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник сектора Америки Ленинградской части Института этнографии АН СССР Дориан Андреевич Сергеев.

Д. А. Сергеев родился 1 мая 1928 г. в Виннице, но, когда ему не было еще четырех лет, он вместе со своей матерью, К. С. Сергеевой, одной из первых учительниц на Чукотке, составительницей первых учебных пособий на эскимосском языке и известной исследовательницей эскимосского фольклора, попал на Чукотку, где прошло все его детство и юность. Он вырос в среде своих сверстников — детей чукчей и эскимосов, овладел их языками, учился вместе с ними, участвовал не только в их играх, но и, взрослея, во всех промысловых занятиях, короче говоря, он с юности жил жизнью ко-